

**Рецензия на работу:
Источниковедение: учеб.
пособие / И.Н. Данилевский,
Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков
и др.; отв. ред. М.Ф. Румянцева.
М.: Изд-во Высшей школы
экономики, 2015. – 685, [3] с.**

Н.А. Мининков

Аннотация. Учебное пособие по источниковедению издано историками Высшей школы экономики. В него были внесены корректировки по сравнению с пособием РГГУ 1998 г. Оно имеет более современную структуру. В ней выделяются вопросы теории источниковедения, дается характеристика корпуса источников по отечественной истории, впервые дается анализ историографических источников и особенностей источниковедческого исследования. Особое внимание уделено истории источниковедения и становлению научного понятия об источниковедении. Авторы пособия подчеркивают, что источниковедение играет интегрирующую роль в системе гуманитарного научного знания. В пособии поднят ряд дискуссионных вопросов современного источниковедения.

Ключевые слова: источниковедение, источник, гуманитарное научное знание, источниковедческое исследование.

Мининков Николай Александрович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой специальных исторических дисциплин и документоведения Института истории и международных отношений Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, mininkov@aaanet.ru.

**Review on:
The Source Study: Manual /
I.N. Danilewsky, D.A. Dobrowolsky,
R.B. Kasakov and others;
executive editor M.f. Rumjantseva.
M.: High School of Economics,
2015. – 685. [3] p.**

N.A. Mininkov

Abstract. Manual “The Source Study” is published by historians of the High School of Economics. It has been adjusted compared with the previous edition RSUS 1998. Its structure has been upgraded. It highlights issues of source study theory, describes the body of sources on Russian history, gives for the first time an analysis of the historiographical sources and features of source research. Particular attention is paid to the history of source study and the establishment of a scientific concept of the source study. The authors emphasize the benefits that a source study is playing an integral role in the system of humanitarian scientific knowledge. a number of controversial issues of modern source study is raised in the manual.

Keywords: source study, source, humanities scientific knowledge, source-study.

Mininkov Nikolay A., Doctor of Science (History), Professor, Head of Chair of Auxiliary Sciences of History, Institute of History and International Relations, Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia, mininkov@aaanet.ru

Источниковедение как учебная дисциплина в силу своей специфики занимает особое место в историческом образовании. Определяется это тем, что в ней интегрированы теоретические основы научного исторического исследования и комплексный анализ письменных источников разных видов и групп по конкретной исторической проблематике. Она, таким образом, имеет как теоретическое значение, так и исключительную значимость для исследовательской практики. В этой связи начиная еще с предвоенного периода учебная литература в нашей стране по этой дисциплине периодически выходила в свет и использовалась для подготовки историков и выработки у них профессиональных исследовательских навыков. В полной мере относится это к новой историографической ситуации, сложившейся на рубеже прошлого и нынешнего столетия. Опыт подготовки учебного пособия по источниковедению, соответствующего этой ситуации, был предпринят еще в 1998 г. историками РГГУ. Это пособие заслуженно получило позитивный отклик. Вместе с тем не все вопросы были изложены достаточно удачно, с учетом особенностей восприятия студентами сложного теоретического материала, что наглядно выявил опыт использования его в учебном процессе. Однако за пределами авторского внимания остались некоторые принципиальные вопросы исследования источников в рамках особой проблематики, обращенной к вопросам историографии и источниковедения. Все это заставило авторский коллектив Высшей школы экономики, основу которого составили авторы учебного пособия 1998 г. во главе с известным специалистом по методологии истории и теоретическому источниковедению М.Ф. Румянцевой, предпринять создание нового учебного пособия.

В этой связи определенной корректировке по сравнению с прежним пособием подверглась структура новой книги. Это очень заметно в разделе первом, соответствующем первой части прежнего пособия. Так, если в пособии 1998 г. вопросы теории источниковедения даны перед его историей, то в новом пособии история этой научной дисциплины рассматривается перед относящимися к источниковедению теоретическими вопросами. Также более определенной представляется теоретическая часть первого раздела, в которой четко выделены три наиболее значимых для характеристики дисциплины проблемы: понятие исторического источника, классификация письменных источников и объект источниковедения. В еще большей степени это заметно во втором разделе. На фоне общей характеристики корпуса источников российской истории начиная с раннего русского средневековья вплоть до XX в. особое внимание обращено на такой важный вопрос теории, как компаративное источниковедение, или на историко-сравнительный метод, который пользуется значительным вниманием в современном научном историческом познании. Особо значимым представляется выделение в качестве особой части вопроса об источниковедении историографических исследований, который вызывал за последние годы самое значительное внимание. Наконец, сама дисциплина предполагает выделение вопросов источниковедческого исследования и анализ научных подходов к публикации источников, что за последнее время приобрело особую значимость в связи с заметным повышением в современной культуре интереса к источнику и с распространением в исторических исследованиях особых разделов с опубликованными источниками и с комментариями к ним. Следует признать, что

такая структура более современна, чем в предыдущем пособии. Она нацеливает на более глубокое освоение теоретических вопросов источниковедения и методов исследования источников по исторической, историографической и источниковедческой проблематике. Вместе с тем подобная структура предъявляет повышенные требования к знанию общего курса отечественной истории и к наличию у студентов общих сведений об источниках по отдельным ее периодам, поскольку при подобной структуре характеристике конкретных источников уделено несколько меньшее внимание, чем это было в более ранней учебной литературе по источниковедению. Наконец, весьма краткое введение содержит общие вопросы, понимание которых необходимо как для освоения теоретических вопросов источниковедения, так и для характеристики отдельных источников. В то же время черты законченного самостоятельного исследования придает этому пособию раздел «Вместо заключения», в котором подводятся итоги анализа и изложения материала. Такая структура представляется современной, она хорошо приспособлена к решению задачи подготовки историка, знающего источники и владеющего навыками работы с ними, и может быть одобрена.

В рамках данной структуры особое место занимает введение. Оно невелико, но в нем содержится то, что будет иметь значение для всего последующего изложения курса. Во-первых, это характеристика самого источниковедения как специальной исторической дисциплины. Такая характеристика представляет собой одну из основных проблем источниковедения как научной дисциплины, причем взгляды на нее менялись по мере развития самой исторической науки. Но во введении дано лишь современное понятие об этой дисциплине, что представляется вполне правомерным, поскольку от этого можно переходить к дальнейшему изложению материала, в том числе относящегося к развитию представлений о самом источниковедении. Во-вторых, дается общее понятие об основных этапах истории самой исторической науки начиная с эпохи Просвещения вплоть до настоящего времени, в соответствии с четкой концепцией смены моделей научного исторического исследования, которая была за последнее время обоснована А.В. Лубским. Указание на эти модели, в целом соответствующие смене важнейших этапов в развитии мировой культуры нового и новейшего времени, в курсе источниковедения не случайны. Понимание сущности источниковедения, его предмета и метода в значительной степени определяет характер и особенности каждой из моделей научного исторического исследования. Тем самым закладывается основа формирования современного научного представления об источниковедении как о живом интеллектуальном феномене, проходившем все эти стадии своего развития. В-третьих, привлекает наличие во введении разъяснения места источниковедения в системе научных дисциплин. Оно дает представление не только об источниковедении как о специальной исторической дисциплине, что очень четко содержалось в курсах источниковедения советского времени, но и о месте источниковедения в духовной культуре вообще, как о дисциплине, способной обеспечить понимание человека прошлого, или человека другой культуры, чем культура, к которой относится исследователь источника. Таким образом, создается научное понятие об источниковедении не только как об исторической дисциплине, но и как о самостоятельной науке

гуманитарного цикла, или как науке о культуре, которая способствует пониманию человечества и его культуры как единого целого, благодаря которой решается задача понимания в позднейшей культуре культуры более ранних исторических эпох. Очень удачно в этой связи приведено высказывание А.С. Лаппо-Данилевского об исследовании источников как об их понимании, благодаря чему становится ясно, какой исторический факт заключен в данном источнике. Такое построение введения нацеливает на восприятие источниковедения с позиций современной науки и культуры нашего времени.

Определенно и весьма полно дана часть первого раздела, посвященная истории источниковедения. Он дает наглядное представление, как постепенно формировались основы научного источниковедения XX в. В развитии этой дисциплины выделяется несколько самых значимых этапов. Один из них относился к источниковедению в период господства позитивизма, второй – на рубеже XIX–XX вв., на базе контрпозитивистских направлений философии истории, третий – в рамках школы Анналов и других направлений в научной исторической мысли прошлого столетия. Такая периодизация может быть принята, поскольку в ней в полной мере выражаются все самые значимые явления в развитии источниковедения. В ней прослеживается, как шло формирование самого понятия источника и развивались принципы классификации источников, рассматриваются подходы к их критике и интерпретации. Анализ истории источниковедения позволяет перейти к раскрытию важнейших теоретических понятий дисциплины в теоретической части первого раздела, в которой основным является исторический источник. Наглядно вскрыта сложность этого понятия, которое в рамках позитивистской методологии истории казалась более чем очевидной. При этом понимание сущности данного понятия поставлено в зависимость от воззрений на историческое познание, которое рассматривалось или как инвариантное в традиционной исторической науке, или как поливариантное в исторической науке новейшего времени. Выбор в пользу того или другого понимания в пособии правомерно не делается, так как это не входит в задачи источниковедения, но при этом характеристика источника отталкивается от обоих пониманий. Если выбор сделан в пользу истории как науки, направленной на познание объективной реальности прошлого, то источник рассматривается как такой остаток прошлого, который помогает решить эту задачу. Иной взгляд на источник возникает при исследовательской стратегии, направленной на понимание «другого», которая стала распространяться в исторической науке начала прошлого века. Для историка в качестве «другого» выступает автор источника, или представитель другой культуры. Подобный взгляд, как подчеркивается в пособии, в полной мере согласуется с определением А.С. Лаппо-Данилевского, согласно которому источник – «реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением». Такое объяснение может быть принято. Вместе с тем представляется возможным более четко пояснить смысл упоминания «фактов с историческим значением», поскольку в этой части определения как раз заключен взгляд на поливариантность истории. В самом деле, историческое значение факту придает человек, то есть и автор источника, и позднейший историк, благодаря чему при признании историчности разных

фактов проявляется историческая поливариантность современного научного исторического познания.

Большое теоретическое и практическое значение имеет вопрос о классификации источников. В пособии основное внимание уделено теоретической стороне этого вопроса, которая заключается в характеристике вида как основной классификационной единицы. В качестве важнейшего видового признака источника в пособии предложено учитывать связь между источником и автором и связывать вид не с формальными признаками источника, и не с его структурными особенностями, но с целью, которую ставил автор (или авторы) перед создававшимся письменным текстом. Такая характеристика вида как важнейшей классификационной единицы в источниковедении не случайна. Она тесно связана с понятием источника как продукта психики человека и вообще со взглядом на исследование источника как на диалог между автором и исследователем. При такой направленности исследования цель создания данного источника приходится учитывать в первую очередь, чтобы понять, что хотел сказать автор, какие смыслы он вкладывал в данный текст. Представляется, что такое понимание вида источника вполне соответствует современной методологии исследования. При этом справедливо замечание, что в источниках нового времени по сравнению со средневековьем несравненно более полно и четко проявляется индивидуальность человека, в них отражен процесс формирования личности, что, как подчеркивается в пособии, в качестве решающего признака имеет возникновение мемуарной литературы, которой просто не могло быть в средневековой культуре.

Также привлекает мысль о роли источниковедения как интегрирующей дисциплины в комплексе социально-гуманитарного знания. Известно, что примерно за последние полтора века отдельные дисциплины выражали претензии на такую особую, интегрирующую роль. Так, на рубеже XIX–XX вв. такие притязания предъявляла социология на основании того, что всякий исторический феномен есть явление социальной жизни. К концу прошлого века такие притязания предъявляла культурология, когда в культурологическом дискурсе заявлялось, что всякий исторический феномен есть своеобразное явление и выражение культуры. В пособии верно указано, что еще совсем недавно О.М. Медушевская обращала внимание на возможность принятия такой интегрирующей роли источниковедением, поскольку эта дисциплина не только востребована всеми другими отраслями социально-гуманитарного знания, но и играет определяющую роль в формировании культурно-исторического единства человечества. Заметно, что в пособии такая мысль только намечена, но в общем не получила своего продолжения. По-видимому, это оправдано. Развитие этой мысли лежит за пределами задач учебной литературы и должно происходить в исследованиях по философии гуманитарных научных дисциплин. Тем не менее высказанный взгляд на роль источниковедения способствует формированию в профессиональном сознании историков современного понятия о месте источниковедения в системе научного социально-гуманитарного знания.

Теоретические положения, высказанные в первом разделе, нашли свое выражение при характеристике корпуса источников российской истории. Обращается внимание на цель, которая ставилась при создании тех или иных феноменов письменной культуры, которые в позднейших культурах стали играть роль источников. Очень тщательно проанализирован исключительно сложный вопрос о целях, которые мог ставить перед собой летописец раннего русского средневековья. Вместе с тем И.Н. Данилевский верно отметил, что понятны не все мотивы, которыми руководствовался он, что не удивительно ввиду исключительно глубоких различий между культурой древнерусского летописца и культурой современного историка. Другой стороной анализа источниковой базы с учетом теоретических положений, выраженных в пособии, является то, что было отмечено влияние на качество описаний в писцовых книгах личности отдельных писцов и, в этой связи, отношение их к своей работе. Следовательно, и в том, что касается не только нарративных источников, но и такого документального источника, как писцовые книги, роль субъективной стороны также была весьма велика. В пособии, к сожалению, отсутствует характеристика столь важного источника по истории России XVI – начала XVIII вв., как разнообразные материалы приказного делопроизводства, а также делопроизводства местных канцелярий, в том числе в войске Донском. То же самое относится к посольской документации. Вместе с тем И.Н. Данилевским правомерно обращено внимание на вопрос о «Слове о полку Игореве», поскольку интерес к этому произведению как к феномену культуры сохраняется. Заметно, что подход к этому вопросу весьма осторожный. С одной стороны, о «Слове» говорится как об одном из ранних произведений, близких к жанру воинской литературы. С другой, указывается, что до сих пор нет достаточно веских доказательств его подлинности. С таким подходом к этому произведению можно согласиться.

Представляется правомерным внимание в пособии к вопросу о массовых источниках. Этот вопрос имеет теоретическое значение. Что же касается исследовательской практики, то в ней нередко и до сих пор наблюдается расширительное понимание такого источника, когда за количественными показателями не обращается внимания на его качественнее характеристики. Отсюда исследователю не вполне бывает ясен смысл заключенной в них информации. В пособии раскрывается сущность дискуссии между И.Д. Ковальченко и Б.Г. Литваком по поводу понимания массовых источников, и правомерно признается, что выделение качественных характеристик этих источников Б.Г. Литваком более обосновано, чем связь этого понятия с определенными историческими явлениями, которые выделяются своей массовостью. В этой связи четкое указание на то, что массовые источники могут возникнуть только внутри явления, имеет однотипность содержания и повторяемость формы позволит более сознательно подходить к признанию источников массовыми, и, следовательно, к пониманию внутренней сущности изучаемого явления. Представляется, например, что рапорты донских казачьих станиц в войско Донское по поводу массового движения казаков в 1793 г. против нарушения властями традиций службы на Кавказской линии являлись такими типичными массовыми источниками, поскольку возникли внутри явления и отличаются единством формы и содержания. А это, в свою очередь, позволяет более глубоко понять, до какой

степени Дон того времени был охвачен этим движением, и насколько решительно центральные и местные власти были настроены на его подавление и на наказание его участников.

Справедливо в этой связи отмечено, что столь значимый источник, как статистика, не относится к массовым источникам. В самом деле, он возник не внутри изучаемого явления, но представляет собой взгляд на него со стороны, когда статистические данные служат для исследования определенного явления, или для каких-то иных целей. При этом статистическим источникам за разные периоды в пособии правомерно уделено самое значительное внимание. Подчеркивается, что качество статистики было не одинаковым. Так, обращено внимание на оценку В.К. Яцунским статистики урожаев по данным губернаторских отчетов, на его вывод, что судить по этим данным об урожайности невозможно, поскольку эти данные выражали не реальную урожайность, но интересы губернских чиновников. Привлекает краткий, но четкий анализ земской статистики. Вместе с тем если в литературе последнего времени обращается внимание прежде всего на достоинства земской статистики по сравнению со статистикой государственной, то в пособии правомерно указывается также на определенные ее недостатки, например, по поводу данных о наделной земле, что не вполне отражало реальную структуру землевладения. Столь же краткой и четкой является характеристика советской статистики, которая, как обращалось внимание, нередко выполняла прежде всего идеологические задачи, и этим задачам были подчинены задачи и методы статистики.

Обращает на себя внимание анализ периодической печати, публицистики и художественной литературы советского времени, сделанный Д.А. Добровольским. Новым по сравнению с предыдущей учебной литературой по источниковедению является внимание к вопросу о художественной литературе XX в. как об историческом источнике. По существу, ранее в источниковедческой литературе имело место исследование в качестве источника главным образом произведений древнерусской литературы, значительно меньше – русской литературы XVIII–XIX вв. Между тем, советская литература также представляет собой источник, своеобразный и исключительно интересный. Сделан краткий, но очень обстоятельный обзор истории советской литературы и особенностей ее в качестве источника за отдельные периоды развития российского общества в годы коммунистической власти. Исследование произведений литературы как источника позволяет понять их автора как особую творческую личность своего времени, через исторические образы и сюжеты выражающую реальности своего времени, его представления об этой реальности и отношение к ней, выражавшееся нередко в его публичной позиции. В самом деле, по истории советской литературы и деятельности ее создателей в значительной мере можно судить об отношении между властью и интеллигенцией, о самом характере режима на разных этапах развития советского общества, и авторский коллектив пособия совершенно справедливо включил произведения советской литературы в круг источников по истории советского общества. Вполне возможно, что этот обзор мог быть несколько дополнен источниковедческим исследованием вопроса о крупнейшем произведении всей советской литературы – «Тихом Доне».

Наличие во втором разделе особой части, посвященной источниковедению историографии и историографическим источникам, соответствует значительному интересу в современной историографии к вопросам истории исторической науки. Поэтому она должна пользоваться особым вниманием. Прежде всего, в пособии предложено определение историографического источника. В нем С.И. Маловичко предложил видеть такую часть исторических источников, в которых реализуется функция презентации и позиционирования исторического знания, научного и научно-популярного. Такое определение находится в русле выраженного в пособии общего понимания источника с учетом цели его возникновения в рамках определенной культуры. Тем самым в пособии проявилось единство методологии при подходе к разным источникам, в том числе к таким специальным, как историографические источники. Другой принципиальный вопрос – о круге историографических источников и об их систематизации. Сделанный в пособии анализ представлений отечественных и зарубежных историков не только интересен, но и дает общее представление о формировании и развитии воззрений на источники историографических исследований, а вместе с тем на их проблематику. Справедливо обращено внимание на вопрос о необходимости четкого представления о различии между историческими трудами и произведениями общественно-политической мысли. Вместе с тем следует, как представляется, учитывать, что в отдельных случаях такое различие было бы несколько размытым. Так, например, к выдающимся трудам по истории русской духовной культуры средних веков и нового времени и общественной мысли относится фундаментальное исследование Г.В. Плеханова «История русской общественной мысли». Вместе с тем едва ли можно отрывать его от общественно-политической литературы своего времени, в нем он не раз высказывал свою позицию по рассматриваемой проблеме не только как историк, но и с точки зрения политики. Примерно то же самое можно сказать по поводу труда М.Н. Покровского «Русская история в самом сжатом очерке», а по донской истории – о книге историка-большевика Н.Л. Янчевского «Колониальная политика на Дону торгового капитала Московского государства в XVI–XVII вв.». Могут быть приведены и другие примеры. Возможно, что грань между научными историческими исследованиями и научно-популярной исторической литературой, с одной стороны, и трудами, включающими в себя политико-публицистическую сторону, не всегда может быть резкой. Как кажется, что при наличии публицистических моментов историческое сочинение не теряет признаков труда по истории и, следовательно, историографического источника. Но при этом возникает вопрос о причинах наличия в таком сочинении публицистической направленности, и о том, как в этом проявились особенности авторского целеполагания при его создании. Очень обстоятельно дана общая характеристика разновидностей исторических трудов как источников. Вместе с тем, как представляется, к историографическим источникам по целому ряду причин вполне могут быть отнесены мемуары, дневники и письма историков, в которых характеризуется положение в «профессиональном цехе».

Еще одна существенная особенность пособия – наличие третьего раздела, в котором источниковедение рассматривается как инструмент исторического исследования, а также выделяются особенности источниковедческого исследования. Как

представляется, для исследовательской работы студентов представит значительный интерес четко выделенная структура источниковедческого анализа. В целом она соответствует более привычному для отечественного исследователя разделению этого анализа на внешнюю и внутреннюю критику. Так, анализ происхождения источника в целом соответствует внешней критике, а анализ содержания – критике внутренней. Вместе с тем имеется одно принципиальное изменение. Так, если традиционно то, что может относиться к интерпретации источника, не включалось в его критику, но выделялось в качестве особой стадии работы с источником, то в структуре этой работы, предложенной М.Ф. Румянцевой, интерпретация источника является частью анализа их содержания. При этом разъясняется соотношение между такими понятиями, как интерпретация и герменевтика, которые в отдельных случаях воспринимаются как идентичные. Кроме того, в анализе внутренних смыслов такого важнейшего источника по древнерусской истории, как «Повесть временных лет», И.Н. Данилевский говорил о его герменевтике как об условии уяснения смыслов, заключенных в его тексте, что позволило бы понять автора-летописца. Можно согласиться с тем, что соотношение между интерпретацией источников и герменевтикой текстов заключается в соотношении между толкованием (объяснением), соответствовавшим интерпретации, и пониманием, соответствовавшим герменевтике. Возможно, что определенной крайностью является утверждение, согласно которому диалоговая разновидность герменевтики не имеет своей целью научное познание, но в ней имеет место лишь истолкование источника с позиций позднейшего читателя. Во всяком случае, если целеполагание читателя имеет исследовательскую направленность, то исследователь, понимающий основы современной методологии истории, понимает, что он должен стремиться к ограничению воздействия на понимания текста своей личности и ее культуры.

Источниковедческий синтез как исследовательская стадия, следующая за анализом, рассматривается как завершающая стадия исследования, в результате которой источник конструируется как социокультурный феномен. Это справедливо. Вместе с тем в этой части пособия проявилась такая традиция, заложенная еще в Историко-архивном институте и продолжавшаяся в РГГУ, как связь научно-исследовательской проблематики с учебным процессом. Особый интерес представляет критический анализ некоторых и типичных образцов формулировок тематики в научных работах студентов. Как исключительно удачный приведен образец постановки проблемы А.Г. Тартаковским в его известном труде «1812 год и русская мемуаристика». В ней прослеживается прямое влияние столь значимого события российской и европейской истории, как война 1812 г., на русскую мемуаристику, и, следовательно, исследуется влияние значимого исторического события на культурную традицию, на отечественную культуру вообще. Таким образом, в подобной формулировке источник, в данном случае мемуарный, рассматривается как особый феномен культуры, имеющий, как подчеркивает М.Ф. Румянцева, самостоятельную ценность. Вместе с тем следует иметь в виду, что такая удачная постановка проблемы на стыке дисциплин, в данном случае источниковедения, истории культуры и военной истории, возможна далеко не всегда,

что определяется совпадением процесса развития русской мемуаристики и воздействием на этот процесс события большого исторического значения.

Особенностью данного пособия является анализ процесса деконструкции текста, которому уделено весьма значительное внимание. Содержится разъяснение, что данное понятие, введенное одним из основоположников постмодернизма Ж. Деррида, несет в себе смысл, выходящий за рамки его постмодернистского понимания, связанного с выявлением содержащихся в текстах внутренних смыслов. Деконструкция проходит определенные стадии (фазы) в своем развитии и, как обращено внимание в пособии, обязательно включает в себя документальную и литературную фазу. При этом приведены весьма показательные и интересные примеры. В частности, один из примеров относится к тому, как Б.А. Рыбаков сопоставлял данные о начале Киева, приводимые киевским и новгородским летописцами, и признавал справедливость только тех, которые соответствовали его концепции, делая это с помощью литературного приема, призванного убедить читателя. Еще один пример связан с выявлением неточностей в работе историка при анализе источника, причиной которого была сознательная направленность на формирование социально ориентированного научного знания о гражданской войне. Следует согласиться с С.И. Маловичко, что деконструкция текста позволяет предостеречь исследователя от стремления найти в источнике смыслы, которых в нем нет. И, можно добавить, позволяет выявить вообще смыслы, привнесенные в текст источника предшествовавшими исследователями.

Заключительная часть пособия, написанная О.И. Хоруженко, посвящена одному из исключительно актуальных вопросов, находящихся на стыке источниковедения и археографии и относящихся к публикации источников. Несомненно, что ознакомление с историей развития правил публикации источников в дореволюционный и советский период, с основными положениями существующих ныне правил 1990 г. даст возможность обеспечивать исследователям научный подход к таким публикациям.

С выходом в свет данного учебного пособия не только студенты получили исключительно полезную литературу, содержащую сведения о теории и практике источниковедения на современном научном уровне. Совершенно очевидно, что этот большой труд коллектива историков Высшей школы экономики имеет большое научное значение, поскольку в нем зафиксировано состояние источниковедения как научной исторической дисциплины и самостоятельной дисциплины гуманитарного цикла в социально-гуманитарном научном познании наших дней, а также потому, что в нем предложено решение некоторых актуальных научных вопросов. К сожалению, тираж в 1000 экземпляров мал для того, чтобы сделать данное пособие достоянием всех исторических учебных заведений нашей страны. ►